

БЫТИЕ И ВРЕМЯ ПРОФЕССОРА В.Ж. КЕЛЛЕ

М.С. КИСЕЛЕВА

Судьба распорядилась так, что вместо приветствий и поздравлений Владиславу Жановичу Келле к его 90-летнему юбилею, мы говорим слова прощания...

В это жаркое и дымное девяностое лето своей жизни Владислав Жанович остался в Москве. Он много и плодотворно работал, заканчивая книгу, снося погодные испытания и не обращая внимания на болезни. Он думал и писал – это и была его жизнь, он любил и помогал своим близким и друзьям, он дорожил военным прошлым...

Книга, над которой Келле трудился последние дни своей жизни, посвящена очень важной, на его взгляд, проблеме – различение интеллектуального и духовного как двух взаимосвязанных «ветвей» развития человеческой культуры. Эта идея обосновывалась им в самых разных направлениях философского знания – историко-философском, социально-антропологическом, социокультурном. Воспитанный в традиции классической немецкой философии, Владислав Жанович оставался всю жизнь марксистом и твердо верил в необходимость открытия «закономерностей» развития человеческой культуры, которые дадут в руки ученым инструмент, способный объяснить явления человеческой истории и современности. Сделать философию научной дисциплиной. Если и позволительно говорить о вере в жизни Владислава Жановича Келле, то он, безусловно, верил в силу и мощь человеческого разума, в нравственные и гуманистические принципы, на основании которых и строил свою собственную жизнь...

Ранним утром 2 августа 2010 года сердцу Владислава Жановича не достало жизненных сил. «Сердечная недостаточность» – таков медицинский диагноз...

В последнем интервью Владислава Жановича Келле нашему журналу нашли место и факты биографии, и история страны длинной в одну человеческую жизнь, и история отечественной философии, которой отдал свои труды и дни воин и профессор, доктор философских наук Владислав Жанович Келле.

М.К. В преддверии юбилея хочется задать первый вопрос именно о «философском возрасте». Когда обращаешь внимание студентов на биографии известных философов, то замечаешь, что романтики, к примеру, не любили долго жить и успевали стать известными к 30-ти годам своей жизни. А вот Томас Гоббс, эмпирик с «материалистическим» уклоном, перешагнул 90-летний рубеж, наш современник, известный антрополог и философ Леви Стросс прожил 101 год, примеры

можно множить. Как Вы считаете и чувствуете — «время» и «бытие» в биографии философа важны для его профессиональных трудов? Связаны ли они с теми идеями, которые он концептуализирует?

В.К. Меня смущает сама постановка вопроса. Что означает словосочетание «философского возраст»? Почему Вы считаете, что для меня он наступает именно сейчас? Если принять это выражение, то, видимо, «философский возраст» для человека, избравшего философию своей жизненной стезей, наступает, когда он почувствует, что сформировал свои убеждения и способен свободно ориентироваться в проблематике избранной им области знания. Применительно к профессии обсуждать эту экзистенциальную проблему лучше не в философском, а в чисто житейском плане: какой возраст наиболее благоприятен для самореализации индивида, для проявления его способностей. Здесь много самоочевидного. Для спортсмена возраст имеет принципиальное значение. Во многих видах спорта рекорды доступны только в молодости. Для людей физического труда существует возрастной предел. Для людей творческого умственного труда такого предела не существует. Здесь все очень индивидуально. Одни могут сохранить память и творческие способности до конца жизни и дожить до глубокой старости, другие, по разным причинам, теряют их. У Ницше и Гоголя это была болезнь.

Что касается приведенных Вами примеров, они не убеждают и никакой «закономерности» не выявляют.

М.К. Для меня всегда было загадкой, как пишутся совместные труды. Ну ладно, в литературе! Там можно обсудить сюжеты, характеристики героев, событийные повороты, особенно если хорошо помяться в процессе сочинения, как это, очевидно, получалось у Ильфа и Петрова. Вы, конечно, поняли, Владислав Жанович, куда я клоню. Для старшего поколения философов «имясочетание» Келле и Ковальзон звучало почти музыкой. Расскажите, как сложился ваш творческий союз. Как вы работали? Как пришла идея написать накануне перестройки, но все же задолго до ее официального провозглашения актуальную и смелую по тем временам книгу «Теория и история»?

В.К. С Матвеем Яковлевичем Ковальзоном мы работали и публиковались более 35 лет. Начало было положено совместным пребыванием в аспирантуре кафедры диалектического и исторического материализма философского факультета МГУ. Не вдаваясь в детали, только скажу, что мы оба хотели работать в области исторического материализма, оба писали диссертации по немецкой философии, что по многим теоретическим вопросам и по отношению к происходящему наши взгляды и оценки были близки, а то и совпадали. Ковальзон мне нравился и своими человеческими качествами: живой, остроумный, обаятельный. Душа общества. Но в принципиальных вопросах — твердый и неуступчивый.

В конце 40-х годов духовная атмосфера в стране была очень тяжелой. Отгремела кампания против космополитизма, которая больно затронула и нашу кафедру. Напечататься простому преподавателю было почти невозможно. Но у каждого из нас накопились

проблемы, которые требовали выхода. И мы решили написать что-то вместе в форме диалога. Обговорили темы и начали работу. Но через некоторое время поняли, что разговора, представляющего интерес для читателя, не получается. А в начале 1952 г. я уехал в Китай, и наши творческие контакты возобновились только в 1955 г., когда мы снова оказались вместе на кафедре философии естественных факультетов МГУ. Это была прекрасная кафедра — дружная и продуктивная. Ее основателем был Х.М. Фаталиев — доктор физико-математических наук, бывший партийный работник. Он сумел создать на кафедре творческую рабочую атмосферу, не терпел интриганов и наушников. Кафедра помещалась в новом высотном здании МГУ на Ленинских горах. Условия для работы были комфортные.

В 1956 г. в «Вопросах философии» появилась наша первая публикация — «Категории исторического материализма». Статья готовилась долго и трудно, опыт совместной работы еще только накапливался. В процессе работы происходило и обсуждение проблем. Ведь обсуждать можно не только сюжеты и характеры, но и теоретические вопросы. Статья была направлена против онтологизации категорий, подчеркивалось их методологическое значение для анализа социальной реальности. Следующей крупной публикацией была монография «Формы общественного сознания» (1959). Основной идеей, которую мы проводили в книге, было разграничение познавательного и идеологического аспектов общественного сознания. Специфика их соотношения прослеживалась по всем формам общественного сознания. В 1962 г. вышел наш курс лекций по историческому материализму. В нем были собраны все разработки и восстановлена в правах Марксова теория общественно-экономических формаций, которая «выпала» из исторического материализма, так как не упоминалась в сталинских работах.

В начале 60-х обстановка на кафедре резко изменилась. Х.М. Фаталиев погиб в авиационной катастрофе. Пришел новый заведующий, с которым у нас отношения не сложились. Тогда М.Я. Ковальзон перешел на кафедру философии гуманитарных факультетов МГУ, а меня пригласили в Институт философии, и я ушел из университета. Условия для совместной работы усложнились, но сотрудничество продолжалось. Мы публиковали и индивидуальные и совместные статьи и брошюры по разным социально-философским проблемам. Хотел бы, в частности, отметить две наших статьи по классификации общественных наук, и книгу «Очерк марксистской теории общества», переведенную издательством «Прогресс» на многие языки.

Работали мы, действительно, совместно. Формы работы были разные. Иногда каждый писал свою часть, а потом обменивались для взаимного ознакомления и, если потребуется, редактирования. Иногда обсуждали, спорили, а потом писали. Иногда каждое предложение формулировали, обсуждали и тут же заносили на бумагу. Выбор формы зависел от многих причин, и не в последнюю очередь, от самой тематики.

Конечно, работать в таком тесном соавторстве можно не со всяким человеком. Наш опыт показывает, что для этого нужны взаимное расположение и доверие, безусловная искренность и честность. Интерес к совместной работе подогревался и результативностью обсуждений. Если в наших спорах и не рождалась истина, то они стимулировали работу мысли.

Большую часть «Теории и истории» мы писали совместно во время летних отпусков. Рабочий стол стоял в саду. Жены устроили нам «режим наибольшего благоприятствования» для работы. Хотя наша «трехаспектная» концепция материалистического понимания истории была раскритикована, и даже сам П.Н. Федосеев приложил к этой критике свою руку, мы решили, что расстраиваться не стоит, и лишь усилили обоснование своей позиции. Эта книга была для нас итоговой, хотя и после ее выхода мы продолжали работу. Последние наши совместные статьи были опубликованы в начале 90-х годов.

М.К. Несколько лет назад Вы обратились к философии Мишеля Фуко, найдя в его разработках интересные Вам темы. Это случилось потому, что Фуко уважительно относился к марксизму, влияние которого присутствует в методологической базе его исследований? Или для Вас чтение современных философов есть нормальная профессиональная работа, не зависящая от Ваших собственных теоретических установок?

В.К. Когда я еще работал в Институте истории естествознания и техники, меня заинтересовало отношение постмодернизма к науке. Если он перечеркивает культуру модерна, значит, он отвергает и науку. Комментаторская литература четкого ответа не давала, но жизненные обстоятельства помешали мне тогда всерьез заняться изучением этого направления. К этой работе я приступил позже, когда перешел в Институт человека. Естественно, что постмодернизма я принять не мог. Мне был чужд сам их стиль мышления. Но Мишель Фуко меня заинтересовал, особенно его идея эпистемы в книге «Слова и вещи». Понятие эпистемы объемлет знания данной эпохи, вернее, то, что данная эпоха включает в состав научного знания. Поскольку этот состав меняется, эпистема носит исторический характер. Так, эпистема XVI в. включала в состав науки магию с ее мистикой. Отечественные историки науки признали роль не только религии, но и магии, герметизма и тому подобных явлений в возникновении современной науки, но не включали магию в состав науки предшествовавших эпох.

М. Фуко показал, что научная революция XVII в., изгнав из эпистемы магию, придала понятию науки современное звучание. И в дальнейшем, согласно Фуко, эпистема не оставалась неизменной. Эта идея вносит коррективы в трактовку истории становления и развития современной науки. Но почему-то в специальной литературе на этот нюанс не обратили внимания. Мне же было важно показать, что магия была изгнана из сферы знания, т.е. из интеллектуальной культуры, и переместилась в сферу духовной культуры,

где доминантой является вера, а не знания. К сожалению, в других работах Фуко не пользовался понятием эпистемы.

М.К. *Мне представляется, что эпохи культурных переходов тогда связывают ушедшие и новые времена, когда возникают институты, в которых можно сберечь, сохранить и передать весьма важные достижения культуры. Не кажется ли Вам, Владислав Жанович, что располагавшийся в Сокольниках, тогда на окраине Москвы, ИФЛИ – Институт истории, философии и литературы, место, где Вы начинали свой путь в профессию, выполнял именно эту работу – сбережения и передачи «новой молодежи» заветов российской гуманитарной науки и культуры? Много ли уроков Вы там успели получить? Как часто в Вашей профессиональной жизни они Вам были необходимы?*

В.К. МИФЛИ, конечно, был великолепным институтом. Блестящий преподавательский состав, большой процент способной увлеченной молодежи в составе студентов, хорошие условия для работы и общения. МИФЛИ быстро вошел в число лучших гуманитарных вузов страны. Мне повезло, что я смог несколько лет пробывать в его стенах, в самой атмосфере этого института. Философский факультет в 1936 г. был закрыт, но в 1938 восстановлен. На первом курсе было человек 80, в основном ребята, и всего несколько девушек. Главное, что естественным образом исходило от наших лучших преподавателей, – это высочайший уровень философской культуры, внимание к студентам, их развитию и воспитанию. Я не знаю, отмечен ли где-нибудь в воспоминаниях ифлийцев наш любимый лектор по истории западной философии Борис Степанович Чернышев. Он вел кружок студентов, в котором параграф за параграфом мы изучали и обсуждали текст «Малой логики» Гегеля, а затем отобрал небольшую группу знающих немецкий язык, и начал работу по новому переводу «Феноменологии духа». Со второго курса было введено свободное посещение лекций.

Конечно, нам передавали не только заветы русской гуманитарной культуры, но и традиции революционного марксизма, воспитывали в духе патриотизма и интернационализма. В институте проходили разнообразные дискуссии. Поскольку все факультеты помещались в одном здании, то не было проблем посещения лекций у историков или литераторов, а также общения между студентами разных факультетов. Но это было и напряженное время. Иногда вдруг кто-то исчезал из институтского коллектива неизвестно куда.

Что мне дало ИФЛИ, кроме суммы знаний и достаточно широкого кругозора? Следует учесть, что наряду с историей философии и историей, мы изучали политэкономия, а на семинарах штудировали по главам «Капитал» Маркса, изучали теоретические основы биологии, которые нам преподавал брат известного генетика Б. Завадовский, сам крупный ученый. Много времени мы проводили с ним в музее Тимирязева, и это помогло нам хорошо освоиться в сфере генетики. Нас знакомили с основами высшей математики, с достижениями физики. Из гуманитарного цикла мне запомнились

блестящие лекции по первобытному обществу В.К. Никольского, лекции по античной философии Куна, по немецкой классике Б.С. Чернышева и т.д. Думаю, что Институт усилил мой интерес к знаниям, к философии, воспитал выдержку, пробудил творческую жилку, отработал заложенную во мне систему ценностей.

М.К. И снова вопрос, касающийся новаций и традиций. Вы много сотрудничали с китайскими философами. Вас ценят в современном Китае, который развивает свою экономику, инфраструктуру, науку чрезвычайно быстрыми темпами. Скажите, пожалуйста, на Ваш взгляд, зависит ли механизм обновления от исторического типа культуры? В чем Вы видите основные узлы этой зависимости?

В.К. Конечно, зависит. Современная наука ведь – тоже «инновационная система», ибо призвана постоянно генерировать новое знание. Она возникла в лоне европейской культуры. Сейчас в центре внимания – технологические инновации, с помощью которых решаются проблемы экономии ресурсов, роста производительности труда и общественного богатства. Инновации используются и в других сферах жизни общества как средство их модернизации. После войны для стран, освободившихся от колониальной зависимости, единственным путем преодоления нищеты и отсталости была модернизация экономики за счет технологического прогресса. Тогда практически встал вопрос о совместимости неевропейских культур с научным и технологическим прогрессом. Ранний опыт Японии и, особенно, опыт стран Юго-Восточной Азии (Сингапур, Малазия, Южная Корея, Тайвань) и, наконец, огромный Китай показали, что технологический прогресс осуществим и на основе других культур. Так, конфуцианская традиция включает в себя уважение не только к старшим, но и к знанию. Претенденты на чиновничью должность в старом Китае должны были пройти курс обучения и сдать специальный экзамен. Учитель в этой традиции – очень значимая фигура. Если же принять идею разграничения интеллектуальной и духовной культуры, то решение этой проблемы упрощается. Естествензнание и общественные науки относятся к сфере интеллектуальной культуры, глобальной по определению. Физика есть физика в любых культурах. Различны лишь условия для развития науки и технологии. Понятие многообразия касается духовной ветви культуры. От нее, а также от сложившихся традиций зависит создание благоприятного климата для инновационной деятельности, а от состояния экономики и активности носителей этой культуры зависит, насколько инновации будут востребованы обществом. Это ситуация, аналогичная роли протестантской этики в формировании «духа капитализма», как она представлена М. Вебером. Но роль культуры этим не исчерпывается. Создание и использованные высоких технологий требуют развития и самой культуры труда.

М.К. Вы много занимались и сейчас занимаетесь проблемами науки как социального института, размышляете над инновационными за-

дачами и поиском путей их разрешения. Однако наука, к сожалению, не всегда свободна в выборе собственно научных задач. Давление власти и идеологии на науку и особенно гуманитарную, а тем более на философию — распространенный феномен в отечественной культуре. Интересы госэлиты, идеологические охранники, обслуживающие эти интересы, к большому сожалению, всегда имели своих проводников и заинтересованных защитников в научной и академической среде. Сегодня в России появилась еще одна заинтересованная структура — Церковь, усиливающая свое влияние на образовательный процесс. Можно ли сказать, что в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого столетия Вы получили личный опыт, противодействуя таким старателям? Результатом неравной борьбы была потеря сектора и уход из Института философии, но сохранение собственной научной позиции. Могли бы Вы кратко дать историческую оценку тем давним событиям не только Вашей биографии, но и истории Института философии, в который 5 лет назад Вас снова вернула судьба?

В.К. Я в основном согласен с Вами. В советские времена гуманитарии обязаны были соблюдать в своей деятельности ряд политических и идеологических установок, например, таких, как руководящая роль коммунистической партии, история которой была канонизирована, не подлежала сомнению, марксистская идеология, передовая и прогрессивная, должна была противостоять реакционной буржуазной идеологии и т.д. Работать можно было в определенных границах, установленных идеологией и партийным руководством. Фасад социализма должен был быть чистым, незапятнанным и привлекать людей.

Но следует также учесть, что возможности для работы и границы допустимого в разные периоды значительно отличались друг от друга. Реальные условия для творческой работы в области социальной философии могли быть более благоприятными, а могли вообще отсутствовать, как это было в послевоенные 40-е гг. Обстановка стала улучшаться после смерти Сталина. Значительно ослабло идеологическое давление в период «оттепели». Тогда и появились шестидесятники. Но оттепель оказалась короткой...

Советское руководство объявило, что идеологическая борьба обостряется. Это означало, что за «пражской весной» последовало не лето, а осенние заморозки. Началось наступление на сохранившиеся анклавы относительного свободомыслия. Заговорили о ресталинизации системы. А в партийном руководстве, в частности, в Московском горкоме партии появились карьеристы, решившие делать свою партийную карьеру на борьбе с нарушителями «идеологической дисциплины». В 1972 г. из Института конкретных социальных исследований изгнали талантливых и независимых специалистов. С поста директора института вынужден был уйти видный экономист, академик Алексей Матвеевич Румянцев. Потрепали и академический Институт экономики. Академик Б.М. Кедров продержался на посту директора Института философии всего один год. Атаки «охранителей» вынужден был отбивать редактор журнала «Вопросы философии» Иван Тимофеевич Фролов. Ему навязывали

людей, с которыми он не хотел работать, и требовали исключить из редколлегии тех, с кем работать было интересно. Убедившись в бесперспективности усилий по реализации своих планов в отношении журнала, в конце 70-х он оставил пост главного редактора. Думаю, что наш Отдел оказался в этом же ряду.

Мы выпустили несколько книг, которые становились объектом острой критики и внутри Института, и вне его, хотя, по нашему мнению, мы защищали марксизм, а не боролись против него. Но мы нарушили некоторые идеологические табу. В результате, придравшись к тому, что один младший научный сотрудник решил эмигрировать в Израиль, отдел ликвидировали. Меня сняли с должности зав. отделом и наказали в партийном порядке. Из Института философии я перешел в Институт истории естествознания и техники, где занялся социологией науки. В этом мне помог тогдашний директор Института Семен Романович Микулинский. У нас с ним были дружеские отношения еще с ифлийских времен.

М.К. Проблематика истории и теории науки всегда была в поле Ваших интересов. Сейчас это направление стало ведущим в подготовке аспирантов самых разных специальностей, институционально закрепляя междисциплинарный характер современного знания, знакомя молодых ученых с современными проблемами методологии науки. Меня всегда интересовало, когда, как и почему открываются и закрываются научные институты. Вы, наверное, уже поняли, с чем связан мой вопрос. Институт человека РАН был открыт в 1991 г., а слит с Институтом философии в 2005 г. Как Вы полагаете, достаточно ли времени существовал Институт человека, чтобы реализовать те идеи, которые имел в виду его основатель академик И.Т. Фролов? Случилось так, что его работа совпала с периодом перестройки...

В.К. В принципе научные институты открываются в ответ на возникшую в науке потребность в развитии новой научной дисциплины или в разработке комплекса актуальных проблем. Требуется также поддержка этой идеи научным сообществом и обществом, которые выделяют необходимые средства. Идея создания Института человека с целью организации его комплексного изучения высказывалась и ранее. У нас создание этого института связано с именем академика И.Т. Фролова, развивавшего гуманистическую социально-нравственную концепцию человека. Высокое положение в иерархии власти, которое он занял в годы горбачевской перестройки, позволило ему преодолеть разнообразные бюрократические препоны и создать академический Институт человека. Но смена политического режима и гайдаровская экономическая реформа поставили российскую науку на грань выживания. Исчезла общественная потребность в науке, резко сократились ассигнования, произошла «утечка мозгов». Российская академия наук держалась, но все усиливалось давление на нее со стороны министерского начальства. От нее настойчиво требовали реформирования, а все программы реформ сводились к требованию сокращения количества институтов и численности научных работников. В этих

условиях необычный для Академии Институт человека мог бы сохраниться, только если бы нашел поддержку на высоком уровне. Но этого не случилось. И, в конце концов, было решено влить его в состав Института философии.

М.К. *Наша беседа происходит в канун празднования 65-летия Победы в Великой Отечественной войне. За это время входит в жизнь уже третье поколение наших соотечественников, родившееся после войны. Благодарность Вам, Владислав Жанович, и всем воинам, кто отстоял страну и победил фашизм, безмерна... Отзвуки Отечественной войны и сегодня врываются в нашу жизнь — еще не все убитые захоронены, еще находят пропавших без вести их никогда не видевшие и уже состарившиеся дети... О войне пишут, и пишут разное... Как участник тех давних событий, защитник Родины, боевой командир, профессор философии, много размышлявший над ходом человеческой истории, как бы Вы могли определить главное условие нашей Победы? И на ту же тему, связанную с последними событиями: можно ли считать избавление от исторической лжи в отношении Катюши продолжением честного осмысления уроков Отечественной войны? Как Вы полагаете, можно ли будет когда-нибудь сказать «всю правду о войне»?*

В.К. Хотя о войне очень много сказано и написано, но вот Вы ставите вопрос об условиях нашей победы. Значит, до сих пор что-то остается неясным послевоенным поколениям. Хотя я воевал, но тоже многого не знаю о войне. И я не могу взять на себя смелость сказать, что дам удовлетворительный ответ на Ваш вопрос. Я просто выскажу свое мнение, и скажу то, что я точно знаю.

Нет какого-то одного условия победы. Действовало множество факторов и, что очень важно, действовало согласованно. Поэтому речь должна идти о комплексе причин, о совокупности условий, которые привели к победе. Среди них и руководство компартии, и авторитет Сталина, и сплоченность общества. Война, действительно, была народной и священной. И горько, что за победу заплатили дорогую цену — миллионы жизней. Конечно, очень многое зависело от политического и военного руководства. Огромные людские и территориальные потери в начале войны нельзя объяснить внезапностью агрессии, к чему добавлялась необстрелянность армии, которая якобы лишь училась воевать. Конечно, солдатам и, особенно, командирам приходилось набираться опыта ведения данной войны, но.... Я был на фронте уже 10 июля 1941 г. и своими глазами видел, что кадровые части танкистов, артиллеристов воевали прекрасно. Мы отступали, но отступали с боями, организованно. Вина за катастрофическое начало войны целиком ложится на политическое руководство, и, прежде всего, на Сталина.

Потери в войне неизбежны. Разрабатывая операции, штабы обычно определяют возможную величину потерь. Но во многих случаях потери не были неизбежными. Не все командиры заботились о сохранении жизни бойцов. Жестокость некоторых военачальников, не считавшихся с потерями, а также бездарность, карьеризм и тому

подобные качества, приводили к большим потерям. Командование — это и искусство. Командир должен думать, как провести требуемую операцию «малой кровью». И совсем другой вариант, когда, пытаясь добиться нужного результата, бездумно посылали людей на верную гибель в заведомо проигрышных ситуациях. Зря гибли и плохо обученные солдаты, присланные для пополнения частей, понесших потери. Иногда на передовую отправляли плохо вооруженных бойцов, ибо где-то кто-то не сработал. Солдат прислали, а оружия для них нет. Так что разгильдяйство на войне тоже было оплачено кровью. И солдаты не безгрешны. Были и трусы, и паникеры, и «самострелы», которые сами причиняли себе легкие ранения, чтобы их сняли с передовой. Были и предательство, и добровольная сдача в плен. Все это встречалось.

Но подумайте сами, если все было плохо, или плохое преобладало, разве мы бы сумели прийти к победному финишу?! Что же работало на Победу? Конечно, стойкость, героизм и неприхотливость солдат Красной армии в сочетании с огромной и эффективной организационной деятельностью политического и военного руководства во главе со Сталиным. Прежде всего, удалось подобрать и выдвинуть талантливых полководцев и поставить их во главе фронтов и армий. В ставке Верховного главнокомандующего были стратегически мыслящие, дальновидные и опытные военачальники, обеспечившие разработку основных операций, которые привели к перелому в ходе войны и проложили победный курс. Советское командование переиграло Гитлера с его командой. Важнейшую роль в подготовке Победы сыграло перемещение на Восток промышленности — огромной массы людей и оборудования. На новом месте заводы немедленно возобновляли производство. Промышленность в основном была спасена, а к Баку и нефти немцам прорваться не удалось. Энергетическим сырьем страна была обеспечена.

Были разработаны новые виды и типы оружия: реактивная артиллерия («Катюши»), танк Т-34, штурмовики ИЛы, автоматические стрелковое оружие и т.д. и армия их получала. По собственному опыту я знаю, насколько успешно и безотказно работали две службы во время войны: санитарная служба и железнодорожный транспорт. Судя по литературе, позитивную роль сыграли и спецслужбы. Хорошо, что СССР смог получить некоторую материальную помощь от своих союзников еще до открытия 2-го фронта. Мы должны быть благодарны тем, кто, рискуя жизнью, доставлял ее к нашим берегам. Я перечислил не все, что работало на победу, но очевидно, что в нее вложен и огромный, подчас героический труд, и талант, и творческая мысль ученых, инженеров, военачальников. Можно еще вспомнить и активную деятельность журналистов, кинооператоров, фотокорреспондентов, художественной интеллигенции, артистов. Жизнь в тылу была для абсолютного большинства далеко не сладкой, а подчас полуголодной. Но армия снабжалась хорошо.

Поэтому я не совсем понимаю, что означают слова «вся правда» о войне. Откроют, что некто совершил подлый поступок, проявил

бессмысленную жестокость, внес нечто свое в копилку негатива военного времени. Но это не меняет основных оценок Отечественной войны, в которой Советский Союз и его армия внесли решающий вклад в разгром сильного, опытного, беспощадного и хорошо вооруженного противника, отстаивали независимость родной страны, народам которой нацисты оставили один выбор — рабство или истребление, и помогли освобождению народов Европы. Победа во Второй мировой войне сделала Советский Союз великой мировой державой. Таковы основные объективные фактические итоги войны.

Очевидно, что для народа России, как и других республик бывшего СССР, Победа является источником национальной гордости и имеет непреходящее историческое значение. Однако в массиве литературы о войне просматриваются разные тенденции, в том числе достаточно устойчивое стремление принизить роль Советского Союза в победе над фашистской Германией. Для этого неправомерно выделяются, раздуваются, извращаются реальные негативные факты и события, но встречается и прямая ложь. Поэтому надо не только гордиться Победой, но и оберегать память о ней и от всевозможных грязных вымыслов, и от забвения как самой войны, так и ее итогов.

О Катыни. Еще до войны это было страшное место массовых расстрелов людей, попавших в застенки НКВД. Обычно расстреливали собственных граждан, о судьбе которых беспокоились только родные и близкие. Таких мест много в России. Катынь приобрела известность, потому что там казнили 20000 пленных польских офицеров и их судьбой заинтересовались на уровне межгосударственном. Полякам долгое время лгали, уверяли, что это мерзкое деяние — дело рук немецких захватчиков. Но, в конце концов, правда выплыла наружу, документы были рассекречены, и оказалось, что исполнителями этой кровавой акции были сотрудники ведомства Берии.

За это позорное пятно на нашей истории руководители, принадлежащие к другому поколению, не имеющие никакого отношения к трагедии польских офицеров принесли свои соболезнования и произнесли слова покаяния. Но в этом событии имеется еще одна страшная сторона. Все дело в том, что в расстреле польских офицеров для НКВД периода «большого террора» не было ничего необычного, из ряда вон выходящего. Этот массовый расстрел не был исключением. И, кроме того, обычными и повседневными в деятельности этой организации были аресты не только реальных преступников, но и потенциальных противников, когда человек по своему прошлому социальному положению, взглядам или связям в принципе мог начать вредить Советской власти. Он еще ничего не сделал, но для профилактики лучше убрать его за решетку. Польские офицеры были причислены к этой категории. Наверху посчитали, что получив свободу, они вольются в ряды антисоветчиков. И с ними решили разделаться радикально. И ложь была делом обычным. Ведь женам и детям их, приговоренных «к вышке»,

мужей и отцов официально сообщали, что те «осуждены на 10 лет без права переписки».

М.С. Владислав Жанович, ответьте, пожалуйста, на вопрос личного характера. Сколько в Вашем доме книг, как давно и по какому принципу Вы составляли свою библиотеку? И сейчас, когда постоянно расширяются возможности для покупки литературы, какие книги Вы предпочитаете – художественные, исторические, философскую классику, современных философов, может быть, фантастику? И вообще, как Вы думаете, новое поколение будет поколением только электронных книг, эпоха Гуттенберга завершена?

В.К. Фактически Вы поставили два вопроса. Первый, сугубо индивидуальный – о принципах формирования домашней библиотеки. И второй, фундаментальный для духовного развития подрастающего поколения, для системы образования – о будущем книжной культуры. Дать определенный ответ на этот вопрос я затрудняюсь, так как специально его не изучал. Электронный носитель информации имеет много преимуществ перед бумажным. Но это вопрос не чисто технический. Нужно считаться с психологией людей, традицией, особенностями эмоционального восприятия обычной книги в отличие от электронной. Во всяком случае, хотелось бы верить, что наши потомки не лишат себя удовольствия пользоваться книгой, что эпоха Гуттенберга отнюдь не близка к завершению.

Что же касается домашней библиотеки, то я всегда исходил из того, что она должна содержать необходимые справочные издания, и в основном ту рабочую и классическую художественную литературу, к которой ты неоднократно возвращаешься по зову либо головы, либо сердца. А ограничивает объем домашней библиотеки количество квадратных метров имеющейся жилой площади. В наших условиях большинство даже профессуры проживает не в хоромашах, а в обычных небольших квартирах. Во всяком случае, моя квартира насыщена книгами до предела. Они всюду. Многие чистят свою библиотеку, освобождаясь от устаревшей, ставшей ненужной книжной продукции. Но не все способны выкидывать книги. Каждый по-своему решает эту проблему.

М.К. Известен афоризм Ларошфуко: «Как бы ни была редка истинная любовь, истинная дружба встречается еще реже». Проживая свою жизнь, каждый человек может подтвердить или опровергнуть это соображение. Как Вы считаете, так ли прав автор афоризма? Или, в согласии с постмодернистами, культура будущего и вовсе откажется от таких «обременительных» отношений между людьми? Что Вам подсказывает Ваш личный опыт?

В.К. Этот афоризм выражает мнение его автора, поддержать которое я не могу. Ибо подсчитать, больше или меньше, чаще или реже встречается истинная дружба, чем любовь, практически невозможно, да и определить, какая из них истинная, какая нет, тоже весьма затруднительно. Такого типа суждения очень субъективны.

Определеннее афоризм станет, если ввести половые различия. Двуполоя дружба, действительно встречается реже, чем однополая любовь. А в норме это великие ценности, заоблачные вершины эмоциональной жизни человека.

М.К. *А теперь два традиционных вопроса. Первый — из всего продуманного и написанного Вами, какую свою работу Вы цените более других? И второй — над чем Вы сейчас работаете, что Вас больше всего интересует в современной философии и науке, в культурной ситуации нашей страны?*

В.К. В моей профессиональной жизни было три основных направления деятельности — социальная философия, социология науки и философия культуры. Каждое из этих направлений по своему интересно, каждым я увлекался, и выстроить их в одну шеренгу не могу.

В настоящее время приоритетной для меня является разработка проблемы разграничения и взаимосвязи интеллектуальной и духовной ветвей культуры. Это разные структуры культуры, каждая из которых функционирует и развивается по своим закономерностям. Выявление особенностей этих структур имеет методологическое значение для анализа конкретных социальных, социально-философских, культурологических проблем, возникающих в истории и современной жизни мировой культуры, ее различных форм. Полагаю, что философия культуры одно из самых перспективных направлений современной философии.

М.К. *Уважаемый Владислав Жанович, я благодарю Вас за интересное и чрезвычайно содержательное интервью. От меня и коллег по нашему философскому цеху примите поздравления в Ваш юбилейный год и пожелания доброго здоровья. Мы все ждем от Вас новых идей, новых статей и дискуссий. Уважаемый профессор, Ваши взвешенные суждения всегда дисциплинируют мысль Ваших читателей и слушателей и побуждают к собственным поискам. Спасибо Вам!*